

15 лет ГУЛАГа для "адвоката Пушкина". Крутой маршрут Виктора Гроссмана

Север. Реалии

7 минут(ы) назад

 Приоритетный источник в Google

Виктор Гроссман, рисунок М. Копьёва

Этим летом в Вологде при рутинной инвентаризации местного кладбища **нашлась** могила писателя Виктора Гроссмана (1887-1978 гг.), которая долгие годы считалась утерянной. Блестящий московский адвокат и пушкинист Гроссман оказался в Вологде после освобождения из ГУЛАГа, куда он попал за "неправильную" и анимарксистскую трактовку "Евгения Онегина".

Могила Виктора Гроссмана на кладбище в Вологде

"Под большим секретом он рассказывал мне, как довелось ему в годы войны выполнять задание советской контрразведки. Немцы забрасывали на железную дорогу от Архангельска до Вологды диверсантов. Виктора Гроссмана, свободно владеющего немецким языком, под видом беглого ээка отправляли ездить в поездах и искать диверсантов. Обещали: "Хоть одного найдешь – отпустим домой". Он никого не нашел, но его самого часто ловила милиция, сильно били, пока не приезжали за ним контрразведчики. И все продолжалось снова...". Из мемуаров вологодского краеведа Исаака Подольного.

| Старик в полосатой пижаме

Журналистка **Юлия Арсеньева** вспоминает, как видела Виктора Гроссмана в детстве: их семьи жили в Вологде в одном доме на улице Урицкого.

– Я помню наш уютный двор с яблонями, детской песочницей и двумя скамейками, на одной сидит старик с белой головой, в полосатой пижаме. Четко помню, как он в этой пижаме, с палочкой выходил во двор. Их квартира была под нашей, бабушка говорила, что это писатель Гроссман, а у жены, намного его моложе, фамилия Бердичевская, и еще у них была дочка. После его смерти и похорон жена и дочь уехали из Вологды в Одессу, где Виктор Азриэлевич и родился.

Бабушка рассказывала, что когда Гроссмана посадили, он, чтобы не сойти с ума, ходил по периметру тесной камеры и читал наизусть "Евгения Онегина". Еще она говорила, что до посадки у него была язва, но от стресса и скудной тюремной еды она сама собой зарубцевалась... У нас в домашней библиотеке была его книга "Арион", помню синюю обложку с профилем Пушкина. Я очень гордилась, что в детстве знала ее автора. Вот так – сидел старик в пижаме, а оказался личностью невероятной. У меня с детства осталось ощущение прикосновения к большой истории, – говорит Арсеньева.

На долгие годы в Вологде была потеряна не только могила Виктора Гроссмана. Утерянными или неопубликованными оказалось и большинство его текстов. Только в начале 2000-х вологодский краевед и писатель Исаак Подольный, получив у родных Гроссмана доступ к семейному архиву, добился публикаций нескольких его книг.

Виктор Гроссманн

А в 2023 году в Вологде вышел двухтомник "Виктор Азриэлевич Гроссман. Избранные произведения" (составители и редакторы: Любовь Солодухина, Елена Титова), с очерком о его жизни и творчестве. Вологодские исследователи нашли в местных архивах уникальные воспоминания о Гроссмане и более 200 его писем, восстановили его биографию, которой хватило бы на несколько захватывающих сериалов.

– Гроссман был совершенно чужеродной "белой вороной" на фоне нашей местной литературы. Это была эпоха деревенской прозы, такие писатели – "деревенщики", как Василий Белов, были здесь очень значимыми

фигурами. А Гроссман пришёл из другой традиции, из петербургско-московской литературной среды, из мира университетов, архивов, научной работы. В Вологде тогда не было литераторов такого уровня. Поначалу им искренне гордились, хотя многим его рассказы о своей жизни казались невероятными. Как мог оказаться в Вологде выдающийся пушкинист, знавший крупнейших литераторов своего времени, друживший с людьми, чьи имена составляют историю русской культуры? Но чем глубже мы погружались в архивы, тем очевиднее становилось: всё, о чём он рассказывал – правда, – говорит исследователь творчества Гроссмана **Алексей** (имя в целях безопасности изменено).

| Пушкинский воздух Одессы

Виктор Азриэлевич Гроссман родился 9 октября 1887 года в Одессе в интеллигентной еврейской семье, где много читали, все пятеро детей обучались музыке, посещали театры. В гимназические годы Виктор подружился с будущим писателем Борисом Житковым, с одноклассником своего старшего брата Семена Николаем Корнейчуком, будущим Корнеем Чуковским, с будущим лидером сионистского движения Владимиром (Зезвом) Жаботинским, (который, по словам Гроссмана, и "придумал Коле его великий псевдоним")

"... уже в те годы он отличался высокой культурностью, был начитанным, вдумчивым, превосходно организованным для умственной жизни, и я очень завидовал ему, так как у него были все преимущества принадлежности к интеллигентной семье; он часто бывал в театре и уже к 14 годам стал обладателем нескольких сотен отлично подобранных книг. Книги хранились у него в просторном дубовом шкафу и, хотя он берег их как лучшее свое достояние, но мне никогда не отказывал...", – из предисловия Корнея Чуковского к мемуарам Виктора Гроссмана "Минувшие дни".

Корней Чуковский (1962)

В Одессе, которая переживала тогда настоящий культурный взлет, сложился круг людей, определивших во многом русскую литературу и общественную мысль XX века. Свои одесские дружбы Гроссман пронес через всю жизнь.

"...мы с Чуковским при каждой встрече обдавали друг друга потоками стихов, которые каждый из нас знал в неправдоподобном множестве. Но Чуковский, кроме того, и сам писал стихи. Писал их с необычайной легкостью и не придавал им никакого значения. А я их жадно впитывал и запоминал, иное на всю жизнь", – из воспоминаний Виктора Гроссмана "Минувшие дни".

В гимназии он уже подрабатывал статьями в газетах "Южное обозрение" и "Одесские новости". В те же годы начал глубоко интересоваться Пушкиным, которого многое связывало с Одессой. Здесь Пушкин провел 13 месяцев (с июля 1823 по июль 1824 года) своей южной ссылки, служил в канцелярии графа Воронцова, и навсегда увековечил город во второй главе своего "Евгения Онегина". Одесский период в жизни и творчестве Пушкина будет всегда интересовать Гроссмана.

Виктор Гроссман в молодости

В студенческие годы Виктор отдал дань и толстовству, и революционным увлечениям. Лето 1905 года провел в Батуми, посещал собрания эсеров. Встревоженный этими его увлечениями отец настоял на отъезде сына за границу. Он учился на философском факультете в Лейпциге. Потом приехал в Париж, где училась медицине его сестра Анна, и поступил в Сорбонну. Здесь он решил стать адвокатом. Вернувшись в Одессу, он перешел на факультет права, диплом получил в 1912 году. О том, каким он был в те годы, вспоминала Лидия Бать, сестра его одесского друга Александра.

"Вот ты сидишь у нас в столовой на большом кожаном диване и дразнишь меня "курносой пятницей". А вот ты критически разглядываешь на мне новое платье, которым я очень горжусь (мне уже лет 16)... "Слишком пышная вставка, это неизящно". Я огорчена, но ненадолго... вслед за этим ты читаешь стихи Блока и Брюсова, и я готова слушать тебя бесконечно. И так каждый новый этап моей жизни озарен какой-нибудь встречей с тобой. Ты много дал мне для понимания литературы, и твои суждения о ней всегда были захватывающе интересны", – из письма Л. Бать В. Гроссману.

В 1912 году Гроссман переехал в Москву, там женился, родились дочь Алла и сын Орест, но брак вскоре распался, жена с детьми уехала в Константинополь. Весной 1917 года Гроссман был избран гласным Московской городской думы – по списку эсеров, но уже осенью ушел и из партии, и из Думы. Тогда же, сентябре 1917, он заболел брюшным тифом, осложнившегося агорафобией – боязнью пространства, два года он не выходил дома и отошел от общественной жизни, пропустив, таким образом, октябрьский переворот.

В 1919 он стал юрисконсультom Рабкрина (Рабоче-крестьянской инспекции) при Наркомате по делам национальностей. По долгу службы ему не раз доводилось ставить резолюцию "Не соответствует новой Советской конституции" на документах, подписанных Народным комиссаром по делам национальностей И. Сталиным. Тогда это было еще возможно. Но, в конце концов Гроссман решил оставить службу и заняться адвокатской практикой и литературным трудом.

С фамилией Гроссман нередко происходит путаница, ведь литераторов Гроссманов несколько: есть Василий Гроссман, автор романа "Жизнь и судьба", а есть исследователь Достоевского Леонид Гроссман, кузен Виктора Гроссмана. Леонид и Виктор дружили, вместе посещали литературные семинары. Но позже поссорились из-за на шумевшего дела драматурга Александра Сухово-Кобылина, который был одним из подозреваемых в убийстве своей возлюбленной, парижской модистки Луизы Симон-Деманш. Подозревались также слуги убитой, крепостные Сухово-Кобылина, светская львица Нарышкина, тоже состоявшая в связи с драматургом. Громкий процесс длился с 1850 по 1857 гг. В результате убийц не нашли, всех подозреваемых оправдали. В 1927 году в Ленинграде вышла книга Леонида Гроссмана "Преступление Сухово-Кобылина". Автор, заново разобрав материалы дела, решил, что убийца – драматург. Вердикт Леонида Гроссмана оспорил Виктор Гроссман в книге "Дело Сухово-Кобылина" (1936), где разбил аргументы своего родственника. После этого отношения кузенов совсем расстроились. Тогда и возникла эпиграмма писателя **Эмиля Кроткого**: "Гроссман к Гроссману летит, // Гроссман Гроссману кричит, // Гроссман, где б нам отобедать, // Как бы нам о том проведать?// Гроссман Гроссману в ответ: // Знаю, будет нам обед: // В чистом поле под ракитой // Труп француженки убитой".

В Москве 20-30-х гг. Виктор Гроссман считался ведущим специалистом в области авторского права, работал литконсультантом в московских театрах, был близко знаком со многими тогдашними театральными звездами: Вахтанговым, Станиславским, Немировичем-Данченко, Мейерхольдом. Режиссеры, актеры, литераторы собирались по субботам в доме Гроссмана и его гражданской жены, актрисы МХАТа Лидии Шумахер. На тематических вечерах обсуждались то Пушкин, то поэты-конструктивисты, то постановка булгаковских "Дней Турбиных".

И чем дальше, тем больше его интересовала не юриспруденция, а литература. Он знакомится и дружит с Константином Фединым, Валентином Катаевым, Ираклием Андрониковым. Пишет статьи для журнала "Театр". И все глубже уходит в изучение пушкинского наследия. Вместе с Викентием Вересаевым работает над книгой "Спутники Пушкина", делает инсценировки по мотивам повестей Пушкина, его пьеса "Дубровский" идет во многих театрах страны. Он изучает рукописи Пушкина, делает доклады в Пушкинской комиссии АН СССР, знакомится с ведущими пушкинистами того времени Борисом Бонди, Григорием Винокуром, Николаем Гудзием. Становится членом Союза писателей. Он увлечен и счастлив.

| "Не допускать себя до отчаяния"

В ночь на 9 марта 1938 года Виктора Гроссмана арестовали.

– Мне удалось получить доступ к материалам дела, связанным с его арестом, – говорит Алексей. – Сфабрикованная история, как и все в то время. По делу проходили 28 человек. Гроссман оказался единственным, кто не признал своей вины. Возможно, именно это в какой-то степени спасло его.

Особым совещанием он был осужден на 8 лет исправительно-трудовых лагерей "за участие в организации эсеровского подполья, проведение контрреволюционной деятельности". Чекисты припомнили ему эсеровское прошлое. Гроссмана отправили в Каргопольлаг.

Спасла его здесь возможность заниматься любимым делом. Начальство Каргопольлага, как и некоторых других сталинских лагерей, поощряло художественную самодеятельность. И Гроссман ставит с другими зэками спектакли, читает им наизусть Пушкина, именно в лагере рождается его книга "Арион", в бараке он задумывает диссертацию "Русский исторический роман 30-х годов XIX века".

"Не раз, коротая тюремное время, ...Гроссман читал нам по памяти пушкинские "Повести Белкина". В лагерной тюрьме искусству возвращалось его право; вопреки злой воле, от искусства тянулись тонкие нити к добру. Оно давало силы жить, сохраняло и отвращало от смерти, возбуждавшей страх перед "потерей человеческого лица". Мы сумели в тяжелейшие дни не допускать себя до отчаяния. ...Мы спорили с Гроссманом о любимом мною Мейерхольде. А Гроссман не любил Мейерхольда и ставил на сцене самодеятельного театра ...в Каргополе пушкинского "Каменного гостя" по системе Станиславского", – из книги П.Ю. Гольденштейна "Точка опоры: 17 лет в лагерях жизни и смерти".

– Представьте голод, холод, изнурительный труд, а он читает зэкам по памяти стихи, пересказывает прозу, думает над книгой и диссертацией. Меня поражает эта его феноменальная память, кроме прочего, – говорит Алексей. – Именно она помогла ему позднее совершить почти невозможное. Свои "Этюды о Пушкине" ему пришлось восстанавливать несколько раз практически с нуля. Рукописи изымали после арестов. Он терял многолетний труд, затем писал все заново. Сначала рукопись исчезла в Москве. Затем в Каргопольлаге. После второго ареста, в 1948 году, история повторилась. Каждый раз казалось, что восстановить рукопись уже невозможно. Но Гроссман вновь принимался за работу. Это не просто научное упорство, а внутренняя сила человека, который отказывался признавать поражение даже тогда, когда у него отнимали всё. Всякий раз он словно заново

строил жизнь. В этом было что-то невероятное. Не озлобиться. Не отказаться от науки. Не перестать верить в литературу. Каждый раз начинать сначала.

| "Как вы относитесь к Татьяне?"

После освобождения в 1946 году Виктору Гроссману не разрешили жить в больших городах. Вологодский юрист Борис Бердичевский, с которым он познакомился в лагере, посоветовал ему отправиться в Вологду. Там он встретился с дочерью Бердичевского Викторией и вскоре женился на ней. Из-за этого отношения между солагерниками испортились, ведь Гроссман был почти вдвое старше Виктории, ему было 59, ей 32. Но брак этот оказался прочным и счастливым.

В Вологде Гроссман преподавал русскую литературу в местном педагогическом институте, был внештатным лектором Вологодского лекционного бюро, работал литконсультантом областного драмтеатра, вел пушкинский семинар, курсы для учителей. Слушатели его, как обычно, обожали, а студентки нередко влюблялись в великолепного и бесконечно обаятельного преподавателя.

Летом 1947 года Гроссман с женой съездили в Одессу – повидаться с его родными и друзьями, в ноябре у них родилась дочка Ольга. Жизнь, как будто, наладилась.

А в ночь на 4 мая 1948 года его снова арестовали, на сей раз материалом для обвинения стали его лекции с "неправильной" трактовкой пушкинской поэзии.

– Ему инкриминировалось, что на лекциях по "Евгению Онегину" Гроссман как бы "внушал симпатию к дворянской культуре". И настаивал на том, что Онегин сразу влюбился в Татьяну, но слишком дорожил своей свободой. Это тоже шло в разрез с тогдашними установками, что главное у Пушкина – это образ лишнего человека, – говорит Алексей

"Следователи за неимением другого обличающего материала стали читать мои исследования об "Онегине", "Пиковой даме", "Памятнике", о "Семейной драме Лермонтова", докторскую диссертацию о "Русском историческом романе" и множество незавершённых работ, заметок, выписок, справок ...необходимых научному работнику. ...мне в процессе следствия был задан вопрос: "Как вы относитесь к Татьяне? Считаете ли вы, что образ Татьяны идеальный, а не реальный? Продолжаете ли вы утверждать, что Онегин полюбил Татьяну с первой встречи?" ...я ничего не выдумал и не преувеличил. Такой анекдотический вопрос был мне задан и записан в протокол допроса, а мой ответ лёг в основу обвинительного заключения, коим я был лишён свободы на 10 лет" – Виктор Гроссман, из предисловия к "Этюдам о Пушкине".

У Гроссмана изъяли 60 тетрадей лекционных конспектов, статью "Политический смысл "Гавриилиады" вместе с отзывами на нее пушкинистов, другие исследования произведений Пушкина и Лермонтова, почти написанную уже докторскую диссертацию. В его трудах не было обязательных ссылок на труды классиков марксизма-ленинизма. Ему предъявили обвинения в безыдейности, его взгляд на творчество Пушкина объявили антимарксистским.

"В настоящем понимании романа "Евгений Онегин" основное внимание уделяется трагедии Татьяны, а не Евгения Онегина. Я же считаю, что образ Татьяны идеализирован, что Татьяна как женщина не типична для этого времени и не вполне реальна. Главным образом в этом романе я считаю Евгения Онегина и его социально-обусловленную трагедию. О том, что образ Татьяны не отражает исторической каноничности – я подтверждаю слова S и считаю их правильными..." (из протокола допроса Виктора Гроссмана).

S – отнюдь не участник научной дискуссии, а слушатель лекции и автор одного из доносов, на который Гроссман и отвечает в ходе очередного допроса 23 июля 1948 года ("допрос начат в 13 ч. 35 – окончен в 19 ч. 45").

Вологодские исследователи творчества Гроссмана говорят, что нашли в архивах эти доносы на Гроссмана.

– Мы читали протоколы допросов, мы знаем имена этих доносчиков, но мы их не обнародовали – у них есть потомки, родственники... – говорит Алексей.

На этот раз Гроссмана отправили в "Дубравлаг".

– Здесь он снова читал заключенным лекции, стихи, пересказывал по памяти литературные произведения. Зэки любили его, видя в нём не только профессора, большого учёного, а человека, который умел отдавать себя другим, – говорит Алексей. – Вот, например, история с [Юрием Динабургом](#), который попал в "Дубравлаг" в 17 лет. Гроссман взял этого мальчика под своё крыло, занимался его образованием, поддерживал, открыл ему мир литературы, культуры, мысли. Динабург стал потом известным литератором. А как-то еще в тюрьме он оказался в камере с уголовниками. Но, еще будучи адвокатом, он защищал какого-то медвежатника, который стал очень известным в воровской иерархии. Он узнал, что его бывший защитник в беде, и передал по цепочке, чтобы его не трогали. И таких историй было много. Когда начинаешь собирать материалы, письма, воспоминания о Гроссмане, кажется, что вокруг него постоянно были люди, которым он чем-то помог, его все любили и ценили.

"Черное пальто, маленький чемоданчик"

Виктор Гроссман

Виктор Гроссман вернулся в Вологду летом 1955 года.

Его дочь **Ольга Финкель** (в девичестве Гроссман) так рассказывает про этот день:

– Помню, я бегаю во дворе с детьми, жили-то мы очень тяжело, я росла совершенно дворовым ребёнком, даже из детского сада приходила одна, некому меня забирать было. Мама работала с утра до вечера, она была инженер-судостроитель, потом замдиректора завода. И вот подходит ко мне человек: "Я твой папа". Это был шок: чужой, совершенно незнакомый человек говорит, что он отец, а это же очень старый человек. Ну какой же отец?

Это было точно, как в фильме Прошкина "Холодное лето пятьдесят третьего..." Я когда смотрела, весь фильм рыдала, от начала до конца. Так возвращались все они черное длинное пальто, маленький чемоданчик... Я не ждала отца. Мама сказала, что он умер. Видимо, не надеялась, что он переживет второй срок. Когда однажды из лагеря пришло письмо с подписью "Целую, папа", она сказала, что это не папа, а дедушка, то есть мамин папа, он тоже сидел... Папа имел право всего на одно письмо в год, но мама посылала ему мои фотографии, так что он меня сразу узнал.

Ольга вспоминает, что скоро из лагерей вернулся и отец матери, ее дед. Все жили в одной комнате, которую разделили занавесками.

– Папа достаточно быстро устроился на кафедру, как-то он шёл с лекции, я бегала во дворе и попросила его унести домой кофточку. Он говорит: "Нет, ты сама пойдешь домой и отнеси". А я говорю: "У, жид". Помню, ночью, когда я спала за шкафом, он маме говорит: "Как ты могла допустить, что она родного отца жидом называет!" Мама говорит: "Виктор, это Вологда, здесь "жид" значит, жадный". Но он быстро завоевал мою любовь и сам очень меня любил. Мы были очень близки с отцом. Когда я болела, он сидел у моей кровати и читал по алфавиту Ахматову, Блока. Знал массу стихов наизусть, совершенно энциклопедическим человеком был. Сразу отдал меня преподавателю английского, с которым он сидел, и который тоже вынужден был жить в Вологде. Еще отдали меня и на фигурное катание, и учиться на фортепиано, правда, у нас пожар был, и пианино сгорело, так что музыка быстро закончилась, но все равно я с тех пор люблю классику, хожу на концерты.

Ольга Викторовна по образованию химик, живет в Израиле, уже давно на пенсии, у нее двое детей и шестеро внуков

– Я надеюсь, может, в ком-то из моих внуков проявятся способности моего отца. Я уже жизнь прожила, могу сравнивать с теми, кого я встречала, он был необыкновенный человек. После стольких лет по лагерям оказаться в обычном мире и сразу посвятить себя маленькому ребёнку... У нас был открытый дом в Вологде, пока папа был жив, они с мамой очень любили гостей, культурная публика вологодская к нам ходила. Он был очень интересным собеседником, люди к нему тянулись, – вспоминает Ольга.

Вернувшись из лагеря во второй раз, Гроссман сразу же погрузился в работу, восстанавливал свои утраченные рукописи, переписывался со знакомыми пушкинистами, стал одним из основателей вологодского Союза писателей.

– Перед вторым арестом он успел передать часть материалов ученикам, которые его любили и понимали ценность его работы. Они сохранили папку с его трудами, потом передали ее в областную библиотеку, – говорит Алексей. – После освобождения ему очень помогал его давний одесский друг, с которым они вместе оказались в Каргопольлаге адвокат Давид Постолов – благодаря ему удалось сохранить и продвинуть роман Гроссмана о Пушкине "Арион". Гроссман жил в Вологде, а Постолов в Москве ходил по инстанциям, общался с редакторами, рецензентами, добивался публикации. Он писал Гроссману: "У нас с тобой уже сто писем на эту тему". И в этих письмах видно, что, самое удивительное, эти люди не озлобились. После всего пережитого они сохранили интерес к культуре, к жизни.

Издания "Ариона" Гроссман с Постоловым добивались 10 лет. Но после публикации Гроссман с горечью писал литературоведу Александру Дейчу: "...главная беда в том, что "Арион"... совсем не тот, который написал я. Он сокращен, искромсан, искалечен до неузнаваемости. Вместо 37 печатных листов напечатали 21, при этом выбросили не худшие, а лучшие главы".

Не все утраченные рукописи Гроссмана удалось восстановить. Его докторская диссертация, например, была утеряна безвозвратно.

В последние годы жизни он продолжал работать над своими воспоминаниями "Минувшие дни", писал пьесу "Пушкин в Москве" и "Этюды о Пушкине", которые будут опубликованы только после его смерти. В этих этюдах Гроссман, пытаясь вскрыть неочевидные смыслы пушкинских сюжетов, уделял особое внимание конкретным обстоятельствам судьбы поэта в момент создания произведения, особенностям языка и бытовым деталям пушкинской эпохи. Интерпретируя, например, сюжет "Пиковой дамы", он подробно рассказывает про правила игры в

фараона (во времена Пушкина эту игру называли также банк и штосс). И в результате читатель вдруг лучше понимал все заложенные Пушкиным в драму Германа подтексты. Также особое внимание Гроссман всегда уделял пушкинским черновикам, его заметкам на полях. "Я сегодня – адвокат Пушкина: защищаю первоначальный смысл его произведений от последующих переделок либреттистами и некомпетентными толкователями", – говорил Гроссман.

В Вологде, он, конечно, скучал по Москве и московскому своему кругу. Но сначала ему не разрешали возвращаться в столицу, а потом на переезд уже не было сил. В 1960 году он писал Постолову: "В Вологде у меня собрался небольшой кружок культурных людей, которые ко мне хорошо относятся и ценят во мне литературоведа и писателя. Так что я даже не могу жаловаться на творческое одиночество". Но в чуть более позднем письме он делится другим ощущением: "... творческое одиночество, духовный вакуум у меня не заполнены" (из переписки с Лидией Бать).

В последние свои годы он все реже выходил из дома, ссылаясь на давнюю агрофобию.

"Я как-то спросил: "Вы действительно не могли бы даже погулять?", – вспоминал уроженец Вологоды, литературовед, главный редактор журнала "Вопросы литературы" Игорь Шайтанов. – В ответ он рассказал историю болезни, оказалось, зависимую от исторических и бытовых обстоятельств: Знаете, началось все в революцию. После февраля семнадцатого я был избран от партии эсеров в Московскую думу, но вскоре свалился с испанкой. Проболе́л несколько месяцев. Слабость ужасная, но попытался впервые выйти на улицу – уже после октября. А там стреляют, летают пули. Тут у меня и началась боязнь пространства, то проходила, то усиливалась. Совсем прошла в лагере. А теперь, представьте, если я буду выходить, то Виктория Борисовна (*жена Гроссмана*) попросит выносить мусор... Тогда в Вологде с мусором нужно было ждать машину, пока она придет, а это могло и затянуться. Таков был метод Гроссмана – сопрягать быт и историю в один событийный ряд".

Умер Виктор Гроссман 11 ноября 1978 года. И вот теперь в Вологде вновь можно прийти на его могилу и помянуть выдающегося пушкиниста, отбывшего срок в ГУЛАГе за свою убежденность в том, что "Онегин полюбил Татьяну с первой встречи".

Этот контент также в категориях

Культура

Регионы

История.Север

